

Порою людям в качестве драгоценного дара преподносит встречи с удивительными людьми. Об их судьбах вряд ли найдешь упоминание в некогда популярной книжной серии «Жизнь замечательных людей». Эти люди не стали классиками при жизни, они живут, творят, сомневаются рядом с нами. Они – наши современники. Но в их памяти теснятся и воспоминания об эпохе, навсегда от нас ушедшей, эпохе гениев и злодеев, небывалых взлетов и кровавых

переломов. Сегодня Рафаэлю Владимировичу Кублицкому, хирургу высочайшего класса, тончайшему знатоку и ценителю живописи и театра, великолепнейшему фотографу, исполняется 85 лет. Завтра, артистически повязав неизменный шейный платок, волнуясь, как мальчишка, он будет читать на вечере, устроенном в его честь в библиотеке имени Лермонтова, свои стихи, тайно мечтая о признании.

годами позже пришел за матерью. До сих пор воспоминания об этих страшных днях ранят душу Рафаэля Владимировича.

Много позднее, уже в период хрущевской оттепели, Кублицких реабилитировали. Это вернуло им доброе имя, но, увы, не воскресило к жизни.

Поразительно, но страшная участь сына «врагов народа» миновала тогда Рафаэля. Ему дали закончить институт – по настоянию родителей он поступил в 1-й Московский медицинский – специализировался в хирургии, по ночам подраба-

пывал разворачивался в 2 – 3 километра от линии фронта. Однажды снаряд попал в палатку, где шла операция. Погибли все, осталась лишь воронка. Кого назначить главным хирургом? В живых – лишь Рафаэль. Назначают его. Еще долго он возил в вещмешке учебник по хирургии. Через два года был уже главным хирургом большого госпиталя.

– Самое страшное сражение было под Ржевом. Наш госпиталь оказался на стыке трех дивизий. Отовсюду к нам шли, ползли окровавленные раненые, кто не мог идти – тащили волоком.

га Рафаэля Кублицкого в той, личной его войне. Еще будучи студентом, Рафаэль Владимирович бредил театром и даже, параллельно с медицинским, посещал студию при Вахтанговском театре, учился у замечательного артиста Хмелева. А какие гении Мельпомены проводили у студийцев занятия! Качалов, Ливанов, Тарасова, Тарханов, Москвин... От одного перечня имен идет кругом голова. Стоит ли говорить, что все постановки МХАТа Рафаэль знал наизусть. Не было ни одного спектакля и в театре Мейерхольда, который бы он пропустил. Но по-настоящему

...И ЧЕТКИЕ ЧЕРТЫ ЕГО ПРЕКРАСНОГО ЛИЦА

В 1918 ГОДУ в семье геодезиста Владимира Петровича и домохозяйки Натальи Вячеславовны родился сын. Назвали его Владимиром. То ли в честь отца, то ли имея в виду иного тезку, переживавшего тогда, после революции, пик своей исторической славы. История, равно как и семейные хроники, о том умалчивает. Только вот почему-то, когда мальчику минуло восемь лет, отец, посчитав имя Владимир несчастливим, крестил сына в католической церкви вторично – отец-поляк, мать-чешка исповедовали католицизм – и дал ему имя с большими претензиями – Рафаэль.

Отец точно предвидел свою трагическую судьбу – в 38-м его по доносу соседа по коммунальной квартире репрессировали, в 43-м та же горькая участь постигла мать. Нарекая сына именем великого художника Возрождения, родители словно выстраивали между ним и нависающими грядущими ужасами сталинизма стену, стараясь уберечь, возродить и сохранить мальчика для жизни.

Но до этого было еще далеко. Отец преподавал в институте геодезию – в 24-м семья из Киева переехала в Москву – увлеклся кинематографией, участвовал в съемках в качестве второго режиссера, усердно исполнял обязанности церковного старосты. Мать, получившая образование в гимназии, прекрасно говорила по-французски и итальянски, музицировала, баловала семью кулинарными шедеврами. Рафаэль, как и положено мальчишкам в этом возрасте, хулиганил, стрелял из рогатки, дрался, мечтал о коньках (и однажды, под Рождество, обнаружил их под елкой), доводил до мигрени мать, вымучивая гаммы на фортепьяно. Музыка не давалась мальчугану.

Несмотря на категорические запреты сверху, в семье Кублицких отмечали все религиозные праздники. На Рождество, тщательно занавесив от недоброго взгляда окна, устанавливали елку, на стол подавался неизменный гусь с яблоками...

В школе одноклассником Рафаэля был сын Есенина и Зинаиды Райх Костя. К тому времени Райх уже была женой Мейерхольда. Рафаэль пару раз бывал у них в доме. Костя удивительно талантливо читал стихи платок. На перемене мальчишки окружали Есенина-младшего и просили наперебой: «Прочти что-нибудь отцовское!» И тот, не ломаясь, читал...

– Судьба его сложилась трагически, – вспоминает Рафаэль Владимирович: – После ареста Мейерхольда убили его мать. Зинаиду Райх нашли с выколотыми глазами – в то время считалось, что глаза жертвы «фотографируют» лицо убийцы. Косте не дали поступить в институт, он пошел в ремесленное училище. А потом стал известнейшим в своем роде человеком – он был страстным статистиком футбола, знал обо всех игроках, командах, играх... В последний раз встретил его на Ваганьковском. Пошел к могиле Есенина. Раньше все вензеля ограды были исписаны строками стихов поэта – поклонники оставляли их вместо цветов. Памятник был другой, и его уже у могилы отца стоял Константин. Теперь и его уже нет на свете...

Плотные занавеси на окнах не убередили от беды семью Кублицких. Арестовали отца, пятью

тывал медбратом. Уже на старших курсах, учась у гениального хирурга академика Спасокукоцкого, ассистировал ему на операциях. Чтобы заработать на жизнь, рисовал по заказу кафедр наглядные пособия для студентов.

Едва Кублицкий закончил институт, началась война. С первых же дней ушел на фронт врачом в хирургический взвод медсанбата. Полевой гос-

питуя трое суток оперировал, не отходя от стола. Последнее, что помню, – огромная разрывная рана, месиво вместо колена. Нашел сосуд, зажал его и упал, потеряв сознание.

Был ранен сам – до сих пор в ноге напоминает о былом осколок. После контузии полгода пролежал в госпитале. 9 мая 45-го встретил в Кенигсберге.

Победу отметил свадьбой – на фронте встретил свою суженую Миру Исааковну. Датированное 16 мая 45-го года до сих пор где-то в архивах хранится удостоверение: «Считать мужем и женой майора медицинской службы Кублицкого и вольнонаемную Дич». Позднее их зарегистрировали по этой справке в загсе.

После войны хирург Кублицкий, верный клятве Гиппократова, объявил свою, личную войну – болезням и смерти. Был главным врачом и заведующим отделением в Нерехте, в Ярославле заведовал хирургией – сначала в 7-й, потом в 9-й больницах. Был главным онкологом города, открывал и возглавлял городское онкологическое отделение. Закончил свой профессиональный путь в медсанчасти шинного завода. Полвека со скальпелем в руках, десятки, сотни отвоеванных у смерти жизней – таков нерукотворный памятник, который увековечил победу заслуженного хирур-

близкими театральными новациями Всеволода Эмильевича так ему и не стали.

Довелось Кублицкому дважды быть и на лекциях Константина Станиславского. Раз в месяц в репетиционном зале МХАТа Константин Сергеевич проводил учебные практики – он так называл свои уроки – для любого желающего артиста. «Я не придумал ничего нового, – говорил он, – я просто требую, чтобы в театре была чистая правда. Требую хорошей дикции». Станиславский в то время был уж болен, говорил хоть и тихо, но очень внятно. Жаль, на сцене видеть его не довелось.

– Не жалеете, что судьба вывела вас на иную, не театральную стезю?

– Я хотел стать актером, а не хирургом. Но так сложилось, а я привык относиться ко всему, что делаю, добросовестно. Доведись мне стать плотником, тоже работал бы, отдавая всего себя. Так что о судьбе своей не жалею.

Небольшая квартира Рафаэля Владимировича скорее напоминает музей. На стенах теснят друг друга фрески, чеканки, многочисленные картины кисти хозяина дома. Он удивительно лиричный пейзажист, корректный копиист – среди русских березок и покосившихся срубов копии картин обожаемого им нидерландца Брейгеля. Фотографии, скульптуры, привезенные из путешествий по Востоку, – им нет числа. Сегодня его жизнь посвящена искусству и поэзии.

– Ночью долго не мог уснуть, размышлял о Моцарте. Сами собой родились строки...

Меня спросили дату моцартовской смерти. Я отвечал: он жив, поверьте! Он превратился в звуки музыки чудесной... Когда она звучит, Я ясно вижу движения по клавишам его руки волшебной И четкие черты его прекрасного лица...

Лариса ДРАЧ.
Фото **Вячеслава ЮРАСОВА.**